

Цифровая эпоха и контуры новой социотехнической реальности

Понятие «цифровая эпоха» может рассматриваться как сущностная характеристика современности, на становление которой повлиял ряд факторов научно-технологической и социальной динамики, ключевыми среди которых следует назвать информатизацию и компьютеризацию, тотальную цифровизацию, появление новых технологий взаимодействия и, как следствие, новых форм и типов социальной коммуникации.

Под влиянием новаций в технологическом и социально-коммуникационном базисе общества происходит становление новой социотехнической реальности, важнейшими особенностями которой выступают:

- высокая плотность интеграции социо- и техносферы;
- возрастание степени искусственности окружающей человека среды;
- усиление зависимости индивидуума и общества от техносферы и прогресса технологий;
- взаимозависимость социально-коммуникативных и инновационно-технологических факторов общественного развития.

Важно обратить внимание на то, что процесс формирования новой социотехнической/технологической реальности в сущностном и темпоральном отношении превосходит прогностический потенциал социогуманитарного знания. Активная социо-техничко-технологическая практика опережает инструментальные возможности компетентной рефлексии. В связи с этим возникает ряд проблем эпистемологического характера, наиболее очевидными и существенными среди которых следует назвать:

Анатолий Лазаревич,
директор Института философии НАН Беларуси, кандидат философских наук, доцент

- *понятийный и методологический плюрализм (неточность, дублирование понятий, противоречия в смыслах и подходах к оценке событий);*
- *слабый прогностический потенциал имеющихся теорий в отношении картины будущего;*
- *клиповое сознание и хаотизация мировоззрения человека в условиях новой темпоральности.*

Особенностью нынешнего мира является то, что в общем потоке социо-техно-процесса заметно трансформируется классическая идея технологического детерминизма, согласно которой развитие общества определяется прогрессом техники и технологий. Сама по себе концепция технологического детерминизма не вызывает вопросов, особенно если исходить из очевидных успехов и даже противоречий современной техногенной цивилизации. Вместе с тем следует понимать, что общество и составляющие его социальные подсистемы живут и совершенствуются не только благодаря инструментам технического прогресса, но и посредством ряда других факторов, среди которых можно назвать, к примеру, нравственные ценности, литературу, искусство, художественное творчество, религиозную культуру, естественные права человека, его достоинство и т.п. Деликатность вопроса состоит в том, что в крайних своих проявлениях идея технологического детерминизма способна подчинить себе отмеченные человеческие добродетели, нивелировать их своей претензией на абсолютные/исключительные возможности, успех и неограниченные перспективы. Именно в русле

подобных представлений и создаются концепции о могущественности и самодостаточности/нейтральности технико-технологического прогресса, способности его выхода из-под контроля человека. Подобные воззрения стали сюжетной основой не одного фантастического фильма, а некоторые примеры из современной социотехнологической практики предстают перед нами не такими уж и фантастическими.

Тем не менее, оставляя за скобками крайности технологического детерминизма, согласимся все же с тем, что без техники и технологий общество не может развиваться, а человечество не способно сохраниться в сложившихся естественно-природных и достигнутых культурно-цивилизационных условиях. Еще в середине прошлого столетия французский философ Ж. Эллюль провозгласил: «Средой обитания человека является теперь не природа, а техника» [1].

Наиболее глубокую разработку концепция общности техно- и биоразвития получила в теории технетики, центральной темой которой выступает понятие «техническая реальность», трактуемое достаточно широко. Фактически оно охватывает всю окружающую человека действительность, ибо последняя в той или иной степени испытывает на себе техногенное воздействие. «Все окружающее нас бытие есть некоторая техническая реальность, – пишет Б.И. Кудрин, – нет ни одного клочка суши или глотка воды, вдоха того, что мы называем воздухом, где не обнаружили бы техногенные следы». Все, что существует в природном и социумном, – и физическое, и биологическое, и собственно техническое – все в ходе социоприродной эволюции превращается в техническое в его различных разновидностях – «в техническое мертвое, в техническое живое, в техническое интеллектуальное» [2].

Современную эпоху по праву называют информационной. Не потому, что раньше не было информации, а по причине возникновения новейших технологий ее производства и появившейся благодаря им новой коммуникационной среды

жизни и деятельности людей. Любой коммуникативный процесс в то же время и информационный во всех его проявлениях – познавательно-развивающих, образовательных, научных, культурных и т.п. В зависимости от того, как это происходит, можно говорить о различных средствах и способах взаимодействия субъектов коммуникации, определяющих, в свою очередь, ее формы и типы. Выбор соответствующих средств и способов организации коммуникативного процесса лежит в основе понятия технологии коммуникации, претерпевшей к настоящему времени существенные изменения.

Напомним, в своей истории человечество осуществило ряд коммуникационно-технологических революций. Номером один стало возникновение языка, которое позволило конституировать первый искусственный канал передачи и обмена коммуникационными сигналами. Изобретение письменности (вторая коммуникационно-технологическая революция) многократно увеличило возможности человека накапливать и передавать знания и опыт, привнесло больше определенности в опосредованные техники коммуникативных практик. Книгопечатание (третья коммуникационно-технологическая революция) позволило не только собирать, хранить, но и тиражировать информацию в невиданных ранее масштабах. Оно привнесло изменения в учебно-образовательный процесс, в интеллектуальные и культурные практики, в организацию досуга, сформировав также особые сегменты социально-экономической деятельности. Радио и телевидение (четвертая коммуникационно-технологическая революция) кардинально повлияли на формирование новых форм и способов коммуникации, придав последним массовый характер. Данные технологии вышли за пределы собственно коммуникационного значения, обретя политический, идеологический, экономический, социально-культурный и даже государственный смысл. Наконец, появление компьютерных технологий и созданных на их основе глобальных коммуникационных сетей (пятая коммуникационно-технологическая революция) до неузнаваемости трансформирует традиционные возможности производства и социализации информации, кардинально изменяет представление о пространственно-временных границах социального взаимодействия, ее онтологических (феномен виртуализации) и эпи-

**БЕЗ ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИЙ
ОБЩЕСТВО НЕ МОЖЕТ РАЗВИВАТЬСЯ,
А ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НЕ СПОСОБНО СОХРАНИТЬСЯ
В СЛОЖИВШИХСЯ ЕСТЕСТВЕННО-
ПРИРОДНЫХ И ДОСТИГНУТЫХ КУЛЬТУРНО-
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ**

стемологических (коммуникация знаний) основаниях [3]. В силу отмеченных причин современное общество все больше приобретает черты глобального коммуникационного. В числе его характерных особенностей следует выделить интенсификацию и интерактивность коммуникационных процессов; стирание пространственных границ коммуникативного поля; неограниченную сетевую конфигурацию, транснациональный и транскультурный характер.

Эволюция форм и типов социальной коммуникации напрямую связаны с определенными средствами и технологиями, которые, в свою очередь, обусловлены общей технологической линией развития социума и соответствующими ей экономико-технологическими укладами. Технологии коммуникации – это своего рода синтез средств и техник коммуникативного процесса с целью достижения реализуемых в его рамках целей и задач. При этом доминирующим элементом в структуре указанного синтеза будут выступать средства коммуникации, функциональный ресурс которых зависит от тех или иных технологических укладов общества.

Напомним, основу первого технологического уклада составляли водяной двигатель, обработка железа, текстильная промышленность; второго – паровой двигатель и инструментальная промышленность; третьего – электротехника и тяжелое машиностроение; четвертого – автомобиле-, транспортостроение, синтетические материалы; пятого – электронная промышленность, вычислительная техника, роботостроение. В основе формирующегося шестого лежат нано- и биотехнологии, клеточная инженерия, наноразмерные производства.

Характерная особенность трансформации общей эволюционной линии становления и функционирования названных укладов заключается в том, что продолжительность каждого последующего этапа заметно сокращается. Это связано с общими процессами кумулятивного роста опыта, знаний и технологий, их интегральными проявлениями в системе генерирования инноваций, с интенсивным характером их внедрения. В данной связи важно подчеркнуть следующее: соотношение скорости появления технологий и, как следствие, социально-экономических и инфраструктурных трансформаций с человеческой жизнью позволяет говорить о качественном скачке цивилизационного развития, знаменующем переход в новую темпоральную эпоху.

По мере цивилизационного прогресса средства и формы социальной коммуникации становятся все более разнообразными, усиливается не только их связь с общей технологической линией развития общества, но и влияние на этот процесс. Иначе говоря, в ходе эволюции коммуникационная сфера все более технологизировалась, характеризуясь при этом усилением ее связи (влияния) с экономико-технологическими укладами. Их формирование стало все больше обуславливаться уровнем коммуникационного пространства общества. Две первоначально слабо связанные между собой линии эволюции (коммуникационных технологий и технологических укладов) по мере цивилизационного развития интегрируются в один социально-технологический процесс, определяющий тот или иной тип общества. Ядро пятого и особенно шестого технологических укладов составляют компьютерная техника, программное обеспечение, телекоммуникации, мобильные информационные услуги, системы искусственного интеллекта, сетевые сообщества и глобальные информационные сети. По основным своим признакам они имеют информационно-технологическую и коммуникационную сущность. Это значит, что современные инновации в области науки и культуры, техники и технологии, экономики и социальной организации способны реализовываться на развитой информационно-коммуникационной основе, формируя в свою очередь и их собственный технологический фундамент.

Таким образом, сегодня можно говорить о существенной трансформации концепции технологического детерминизма, в основе которой лежит прогресс в технологиях экономико-производственного и собственно технического назначения и его влияние на общество. На современном этапе данные технологии не могут эффективно реализовываться вне развитых коммуникационных сетей производства и социализации информации. Пятый и последующий технологические уклады представляют собой синтез достижений научно-технического (технологического) и коммуникационно-технологического характера при определяющем значении последних

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО ВСЕ БОЛЬШЕ ПРИОБРЕТАЕТ ЧЕРТЫ ГЛОБАЛЬНОГО КОММУНИКАЦИОННОГО

в практике инновационного развития общества (суть идеи трансформации технологического детерминизма). Отмеченный синтез свидетельствует о формировании новой конвергентной модели социотехнической/технологической картины мира, интегрально включающей в себя, с одной стороны, новейшие технологии (био-, нано-, компьютерные и др.), полученные в рамках фундаментального теоретического знания, и, с другой стороны, информационно-коммуникационные технологии, в свою очередь конвергентно представленные всеми известными формами и средствами социальной коммуникации.

СООТНЕСЕНИЕ СКОРОСТИ ПОЯВЛЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ С ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНЬЮ ПОЗВОЛЯЕТ ГОВОРИТЬ О КАЧЕСТВЕННОМ СКАЧКЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ, ЗНАМЕНУЮЩЕМ ПЕРЕХОД В НОВУЮ ТЕМПОРАЛЬНУЮ ЭПОХУ

А сейчас вернемся к ранее поставленному вопросу о глобальной технизации общества и его возрастающей зависимости от непредсказуемости технического прогресса. Усиление социально-коммуникативных факторов в структуре технико-технологического развития может свидетельствовать об обнадеживающей возможности сохранения со стороны человечества инструментов общественного контроля над сценариями технического прогресса и преодоления крайностей технологического детерминизма. Известный специалист в области теории информационного (постиндустриального) общества Мануэль Кастельс отмечает, что «способность или неспособность общества управлять технологией... формирует судьбу общества... Оно может, используя мощь государства, задушить развитие технологии. Или, напротив, также путем государственного вмешательства оно может начать ускоренный процесс технологической модернизации, способной за несколько лет изменить экономику, повысить... социальное благополучие» [4].

При этом не менее известный итальянский ученый, также наш современник и специалист в области философии науки и техники Эвандро Агацци говорит: «Функционирование тех-

нологической системы по существу индифферентно целям, ей свойственно «имманентное» развитие, рост на собственных корнях... Чрезвычайная сложность, самодостаточность и вездесущность – вот в чем качественное отличие технологической системы от индустриальной и технологической цивилизации – от индустриальной цивилизации. Технологическая цивилизация – это образ жизни, общения и мышления, она есть совокупность условий, которые в целом господствуют над человеком, тем более что они не подлежат его контролю» [5].

Трансформация идеи технологического детерминизма и формирование конвергентной модели социотехнологической картины мира позволяет снять противоречия изложенных точек зрения. С этой целью нужно ввести в оборот понятия инструментального и коммуникативного алгоритма технологического прогресса (успеха). Как известно, инструментальное действие (М. Вебер) упорядочивается критериями эффективности и достижения цели (фактически по принципу «цель оправдывает средства»).

Под коммуникативным действием (Ю. Хабермас) понимается такое взаимодействие, по крайней мере, двух индивидов/субъектов, которое упорядочивается в соответствии с нормами, согласованно принимаемыми за обязательные.

Если инструментальное действие безоговорочно ориентировано на успех, то коммуникативное – на взаимопонимание индивидов, в том числе и в отношении социально ответственного алгоритма успеха. Это согласие относительно ситуации и ожидаемых следствий основано в первую очередь на убеждении и понимании.

Технико-производственные технологии по своей природе ориентированы на социально-экономический эффект и определяются инструментальными действиями. Коммуникативные технологии успешными могут быть только в контексте взаимопонимания. Стратегическая задача – соблюсти баланс инструментального и коммуникативного в социально-технологическом развитии современной цивилизации. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ellul J. The Technological Order / J. Ellul. – Detroit, 1963.
2. Кудрин Б.И. Метафизика технетики / Б.И. Кудрин. – М., 1997.
3. Лазаревич А.А. Становление информационного общества / А.А. Лазаревич. – Минск, 2015.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М., 2000.
5. Агацци Э. Моральное измерение науки и техники / Э. Агацци. – М., 1998.